

ПАМЯТИ БОРИСА МАКСИМОВИЧА ФИРСОВА

(22.06.1929–18.01.2024)



Мало кто из современных социологов удостоится интересного некролога. По легенде Роберт Парк ограбил поезд, чтобы заплатить за обучение в университете, и даже если это ложь, он в бытность свою журналистом на Диком Западе точно встречал многих, кто это делал (некоторых он интервьюировал прямо по дороге на эшафот). Он назначал встречи студентам в опиумных салонах и ходил на интервью с револьвером в кармане пиджака. Нынешние ученые, однако, редко живут жизнью, похожей на художественное произведение. Борис Максимович Фирсов был исключением. История его жизни читается как исторический роман-эпопея.

Отец Фирсова был чиновником, попавшим в волну репрессий 1937 г., выпущенным в 1938 г. после падения Ежова и умершим через несколько дней после этого. Большинство советских социологов первого поколения на ранних этапах своей академической биографии совмещали научные занятия с карьерой комсомольских активистов. Никто, однако, не продвинулся на этом пути дальше, чем Фирсов. До прихода в социологию он сделал – и погубил – блестящую партийную карьеру, став к 30 годам первым секретарем Дзержинского райкома Ленинграда. В 1962 г. он возглавил Ленинградскую студию телевидения, вторую в стране. В этой должности Фирсов провел четыре года (1962–1966), пока драматический «прокол» во время прямого эфира – приглашенные на то, что сегодня называется «ток-шоу» гости, увлекшись, предложили вернуть дореволюционные названия некоторым улицам в Ленинграде – не привел к партийному разбирательству и увольнению Фирсова. Любые ответственные должности были закрыты для него на неопределенный срок. Доброжелатели советовали ему полностью исчезнуть с радаров начальства, поступив в аспирантуру и начав, по сути дела, в 37 лет карьеру с чистого листа. Фирсов некоторое время колебался между аспирантурой по электрофизике в ЛЭТИ, в котором когда-то начался взлет его партийной карьеры, и аспирантурой на философском факультете, где его руководителем вызвался быть его бывший протеже по комсомольской линии – В.А. Ядов. Фирсов выбрал философию, потому что это позволяло сохранить контакт с телевидением. Ядов во время стажировки в Великобритании сталкивался с изучением телеаудитории и считал, что Фирсову с его опытом есть чем заняться. Идею поддержал Н.Н. Месяцев, глава Гостелерадио, расположение которого Фирсов сохранил. Несмотря на недавнюю опалу, уже в 1967 г. Фирсов провел в Ленинграде первое в СССР масштабное исследование телевизионной аудитории – а также подал на полугодичную стажировку на BBC (невероятная привилегия по советским временам).

Первым важным вкладом Фирсова в советскую социологию могут считаться как раз исследования телезрителей. В 1972 г. вышла его книга «Телевидение глазами социолога» – это своеобразная реплика Фирсова в советской версии дебатов о массовой культуре. В то время как советские культурные пессимисты (Б.А. Грушин, И.С. Кон) – так же, как

и их западные коллеги – предполагали, что распространение телевидения окончательное превратит наших современников в пассивных потребителей масскульта, позиция Фирсова была более взвешенной. Его данные, действительно, свидетельствовали о том, что наиболее увлеченными телезрителями тогда (как и сейчас) были люди, наименее склонными к посещению драматических театров, чтению и ведению прочей культурной жизни. Корреляция, однако, не означает причинности: многие из тех, кто теперь проводил дни перед голубым экраном, и прежде не очень-то ходили в Эрмитаж. Ссылаясь на «гуманистический характер содержания телевидения в социалистическом обществе», Фирсов высказывал острожную надежду на то, что телевизор не обязательно влечет за собой необратимую интеллектуальную деградацию. Искренней ли была в тот момент его надежда на мудрую культурную политику КПСС? По крайней мере, в другом отношении Фирсов был совершенно точно искренен. «Телевидение глазами социолога» завершается призывом к превращению опросов аудиторий в постоянно работающий механизм обратной связи, который позволит телевидению чутко реагировать на запросы телезрителей. В понимании Фирсова и его ближайших коллег, главная задача социологии состояла в том, чтобы служить таким механизмом в обществе, в котором независимые СМИ и политические партии не выполняли подобных функций по причине отсутствия. Преимуществом социологии в этом контексте была непубличность. С ее помощью Партия могла узнать о своих ошибках без того, чтобы они стали общеизвестными – и исправить их до того, как о них бы заговорили недоброжелатели.

Однако хотя в теории этот план и выглядел отлично, в реальности он наталкивался на непреодолимое препятствие в виде бюрократической логики. Государственные и партийные чиновники не горели желанием разрешать исследования на «своей» территории, потому что любой отрицательный результат мог означать их недоработку; легче было не разрешать исследований вовсе или приостанавливать их, как только становилось понятно, что цифры получаются не слишком удобными.

В конце 1970-х и начале 1980-х гг. в Институте социально-экономических проблем РАН Фирсов работал над реализацией того, что тогда называлось «информационной системой» ленинградского обкома, которая должна была интегрировать регулярные опросы с систематизацией поступающих жалоб населения. Конец этого проекта был трагичен – и окончательно разочаровал Фирсова в возможности социологии при советском строе. В 1983 г. о системе узнали в ЦК и запросили данные об удовлетворенности ленинградцев системой здравоохранения. Глава обкома Г.В. Романов, до того покровительствовавший работе социологов, вдруг увидел в ней угрозу утечки компрометирующей его как руководителя информации и приостановил проект. Несколько лет работы Фирсова пропали впустую. Пару месяцев спустя он получил партийный выговор за ненадлежащее хранение служебных документов и был снят с руководства сектором. Новое падение было еще более глубоким, чем предыдущее. В 55 лет Фирсову приходится опять начинать все сначала. Он переходит в Институт этнографии РАН и начинает заниматься разбором столетней давности бумаг князя В.Н. Тенишева, организовавшего первое статистическое обследование великорусских крестьян.

Там его и застала перестройка. В новых условиях организаторские таланты Фирсова наконец смогли раскрыться в полной мере. В 1989 г. Ядов, возглавивший тем временем московский Институт социологии АН СССР, предлагает ему заняться организацией ленинградского филиала на основании части секторов Института социально-экономических проблем. Институт был создан за несколько месяцев, но Фирсов не остановился на этом. В 1992–1994 гг. он занимается организацией Европейского университета в Санкт-Петербурге – аспирантского университета совершенно нового для России типа, который возглавлял до 2003 г. В 2003 г. Б.М. Фирсов уйдет с поста ректора университета и целиком посвятит себя научной работе.

Его самым важным трудом в последующие годы станет «История советской социологии», которая в наиболее ясном виде представит либеральное прочтение истории

как противостояние стремившейся к автономии ученых и тоталитарного государства. Как антитеза этому нарративу появится множество ревизионистских версий истории, в которой эти отношения будут представлены как более сложные, а взаимодействия «власти» и «социологии» – как менее однозначные и не укладывающиеся в противопоставление хищника и жертвы. Однако развитие антитезиса (и, будем надеяться, впоследствии синтеза) предполагает наличие тезиса, а тезис в постсоветском осмыслении советской социологии принадлежит именно Фирсову. В последние годы Борис Максимович продолжал свои изыскания в области социальной и культурной истории советского общества, опубликовав полуавтобиографическую «Историю разномыслия в России» и устную историю перестроечной и постперестроечной эпохи от лица ленинградских интеллигенции («Невосторженные размышления»). Его последней работой была только что вышедшая «По обе стороны рампы: Театральная жизнь Санкт-Петербурга (1980–1989)», представляющая результаты исследования театров и их аудиторий, которыми он занимался вместе с группой коллег совместно с Ленинградским отделением Всероссийского театрального общества. Он всегда доводил то, за что брался, до конца.

Люди, которым довелось работать или учиться в созданными Фирсовым институтах, не могут не быть благодарны ему как институциональному строителю. Те, кто занимается исследованиями в тех областях, которые изучал он, благодарны ему за множество фактов, которые, если бы он не собрал их, навсегда остались бы неизвестны (что бы мы знали о том, как телевидение боролось за аудиторию с театром в Ленинграде 1960-х, как проходили социальные барьеры между высококолобыми критиками масскульта и его поклонниками, и как СССР по всем этим параметрам выглядел на мировом фоне, если бы он их не собрал в 1967 г.?) Наконец, те, кому довелось провести вместе с ними много времени – как его коллегам по Европейскому университету – благодарны ему за то, что могли долгие годы наблюдать вблизи одно из самых эстетически совершенных исполнений роли академического ученого. Борис Максимович был замечательным рассказчиком и прекрасным лектором. В том, как он держал себя, как он мог найти слова для любой ситуации, в том, как ему удавалось демонстрировать уважение к чужому мнению, не поступаясь своим, было что-то от аса дипломатии – или от герцога. Но, сверх этого, в нем было что-то принадлежащее той же области героического мифа, что и Роберт Парк с его револьвером. Он казался культурным героем, превращающим хаос в космос. Он брался за новое дело, когда его старое дело гило (и окружающие думали, что настало время предаться беспросветному унынию) – и он брался за новое дело, когда его старое дело цвело (и окружающие думали, что настало время почивать на лаврах). В этом было что-то бесконечно воодушевляющее. Для тех, кому довелось его знать, мир станет гораздо беднее без этого источника вдохновения.

М.М. СОКОЛОВ,
Европейский университет в Санкт-Петербурге